

БЛИЖНИЙ ВОСТОК – НЕРЕСПЕКТАБЕЛЬНЫЕ ПАДЕНИЯ РЕЖИМОВ

Беседа с Г.И. Мирским

Мирский Георгий Ильич - главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, доктор исторических наук, политолог

- Георгий Ильич, сейчас в СМИ очень много информации о событиях, которые происходят в странах Ближнего Востока. Насколько, на ваш взгляд, эта информация, предлагаемые интерпретации событий соответствуют действительности?

- Ливийские события, мне кажется, достаточно объективно освещаются – это страна, не связанная с нами тесно, у правительства нашего нет определенной расположенности защищать её или, наоборот, быть против. Про Тунис нечего говорить, никто даже и не успел толком отреагировать, так все быстро там было. А что касается Египта, то наш МИД слишком долго думал, что Мубарак удержится. Это объясняется бюрократическим менталитетом – МИДа, правительства.

Приведу пример: в 1979 г. была исламская революция в Иране. Когда начались первые демонстрации, я делал доклад в своем Институте мировой экономики и сказал, что по моему мнению, Хомейни и его люди победят, режим шаха падет. Надо мной все смеялись, подходили и говорили «Ну, старик, ты даешь! Это же какая армия, вооруженная американцами с головы до ног, а тут голь какая-то, шваль, шпана, рванина какая-то там мусульманская, ты что говоришь?». И точно также верили и у американцев, кстати.

Потому что бюрократический менталитет он так устроен, он не терпит никакой самостоятельности, просто не понимает её - самостоятельности, стихийности, спонтанности. И не ожидает её. Если есть нечто устоявшееся, например, государство со всеми его структурами, то представить себе, чтобы откуда-то из населения вышли люди, которые бросили бы вызов правительству, это не укладывается в бюрократический менталитет. Вдруг такое солидное государство падает - это как-то не респектабельно с точки зрения бюрократического менталитета, просто ни в какие рамки не укладывается. Поэтому наши держались так осторожно, ничего не говорили.

Американцы, наоборот, на этот раз проявили гибкость. Они учли иранский опыт и решили, что раз уже земля горит под ногами этого режима, то нужно переориентироваться с тем, чтобы следующая власть не могла спросить: «Друзья, союзники, партнеры, что вы делали, когда народ выступил против диктатора, на чьей стороне вы были? На стороне диктатора?». Чтобы этого избежать, Обама, который в первые дни говорил, что Мубарак их союзник, через несколько дней, когда стало ясно, что эра Мубарака всё равно кончилась...

© Мирский Г.И., 2011

© Седова Н.Н., 2011

нет, конечно, он не говорил «Мубарак, уходи», так нельзя. Но он всё время подчеркивал, что должны начаться реформы, серьезные изменения. И правильно поступил - всё равно же конец, куда деваться? Они проявили достаточную гибкость. А у нас этого нет до сих пор.

В отношении к Каддафи такого нет, он вообще особая фигура, отдельно стоящее дерево. Нельзя сказать, что он наш друг или враг. На программе «Судите сами» Максима Шевченко (а Шевченко настроен, что скорее всего Каддафи удержится, и ситуация преувеличивается) стал меня спрашивать, почему это все происходит и т.д. Я сказал: «Максим, люди включают телевизор, и десятки лет подряд видит на экране одну и ту же физиономию, как это?». Ему это очень не понравилось, он сказал, что на долларе люди 200 лет видят одно и то же лицо. На что я ему ответил, что на доллар смотреть - это удовольствие доставляет, а на Каддафи-то нет.

- Вы сейчас по сути подняли вопрос об усталости людей от власти как о причине протестов против того же Каддафи. А если в целом говорить о причинах того, что произошло, что было главным? Насколько причины этих революций отличаются или можно говорить о какой-то системности? И насколько большую роль в череде этих факторов играет эта самая усталость от власти?

- Играет, и очень большую роль. Это фон, на котором всё происходит. Если бы эти люди не сидели у власти 20-30-40 лет, то всё-таки было бы легче. Это даже чисто психологически действует на население, не каждый народ может это выдерживать. И опять же, все эти - режимы авторитарные, полицейские, репрессивные, но при этом они не фашистские, не тоталитарные. Это не режим Саддама Хусейна - вот там попробовал бы кто-нибудь выступить! Даже пикнуть нельзя было. А здесь, например, в Египте, была свободная пресса, можно было критиковать правительство. Другое дело, что правительство на это плевать хотело. В Тунисе - нет, там всё было зажато. В Ливии и говорить нечего, ни о какой оппозиции и речи не могло быть. Но везде общее - то, что власть не слышит людей, произвол и безразличие властей, отношение власти к народу. Народ постепенно убеждался в том, что чтобы они не думали, чтобы они не говорили, какие бы они не выдвигали претензии, требования, власти на это глубоко наплевать. Что хотят, то и делают.

Каддафи, как выяснилось, вообще не знал свою страну. Именно для него произошедшее - главный сюрприз. Он же 42 года у власти. Он отец народа. И он сын народа, он бедуин, он брат. А сейчас шейх одного из крупнейших племен, которое, правда, всегда было в оппозиции к нему, сказал: «Муаммар Каддафи, ты больше нам не брат, уходи». Он не знал, чем дышит народ. А тем более не знали все внешние силы. В условиях цензуры что там можно знать? Какие-то кружки там, если они и есть, то действуют в условиях глубокой конспирации.

В Египте Ваэль Гоним, который работал в компании Google директором по продажам - он был одним из первых, кто создавал эти кружки, через Интернет распространял информацию и т.д. Если бы он делал это открыто, его бы давно посадили. Нужно было соблюдать конспирацию, и никто ничего не знал. А потом обнаружилось, что у них были контакты с сербской организацией, которая участвовала в свержении Милошевича, и с американскими правозащитниками, фондами. Всё это было, но тайком, никто ничего не знал. Все это обнаружилось вдруг.

Коррупция колоссальную роль играет везде. В Тунисе все особенно ненавидели вторую жену президента, бывшую парикмахершу, которая всех своих братьев и

племянников пристроила. Это же маленькая страна, всё видно, и это вызывает ненависть. В Египте жирные коты понастроили себе виллы, и т.д. Это всё постепенно накапливается и сказывается. И это как раз есть в каждой из этих стран.

Что касается экономических факторов, то в одних странах они играют роль, в других – нет. В Египте, скажем там, считается, что почти 40% населения живут на 2 доллара в день. А в Бахрейне этого нет. И, тем не менее, народ тоже выступает. В Ливии никто не живет в нищете, никто не голодает, не живет в трущобах - здесь уже социальные факторы работают. Причем, опять же разные, конечно.

В Бахрейне особая ситуация, потому что там противоречия уже конфессиональные. Там шиитов большинство, а у власти сунниты. Так же, как в Ираке было. Но заодно уже и сунниты выступают против власти. Там на улицах не видно ни одного араба пешехода, они только в автомобилях ездят, выходят из машины в своих белых бурнусах и все. На улицах - водители, клерки и продавцы - все приезжие, малайцы и другие, только английский язык звучит. Богатая страна, но выросла другая молодежь, и ей тесно.

Но для меня самое загадочное - это Ливия. Вот этого я не ожидал. Когда начались события в Тунисе, меня всё время спрашивали, в какой стране что может быть. Я перечислял и то, и то, но Ливия, думал, нет. Во главе страны такой арабский Фидель Кастро, мачо, популистский лидер, народ его любит. Народ же любит диктаторов, настоящих тиранов. Народ любит их всегда, обожает, пока их не убьют. Поэтому я думал, что здесь ничего не получится. Плюс богатая страна, нефтяная. Поэтому для меня это было неожиданно.

- Каким Вам видится механизм случившегося?

- Какая-то критическая масса в какой-то момент появляется. И никто не может заранее предсказать, когда наступит этот момент, когда будет перейдена красная черта, когда критическая масса накопится. Нужен какой-то сигнал. Нужно какое-то событие. Для происходящего сейчас событием была та спичка в буквальном смысле слова, когда сжег себя парень в Тунисе. Вот от этого пошел пожар. А ведь стоит только начаться где-то, и всё - лесной пожар, лавина пошла, ящик Пандоры открылся. А дальше, когда почва начинает колебаться и гореть под ногами правительства в любой стране такого авторитарного типа, у правительства есть выбор: либо давить, стрелять, залить кровью, либо выпускать пар. Но, как правило, если почва по-настоящему горит, не спасет ни то, ни другое. При любом варианте они обречены.

Шах в Иране пробовал сначала одно, потом другое, ничего его не спасло. В Египте власть даже не пыталась давить и уничтожать кого-то, а пар уже поздно было выпускать. В Тунисе утром Бен Али заявил, что увольняет правительство, а вечером он уже сам бежал. Все было поздно.

Очень трудно со стороны предсказать, когда это наступит, и то, до какой степени решимости могут дойти эти люди. В Египте Мубарак, выступив первый раз, сказал, что до сентября досидит и уйдет, на следующий срок не пойдет. Он рассчитывал расколоть людей. Надеялся, что появятся люди, которые скажут: «30 лет терпели, еще 6 месяцев потерпим, подумаешь. Страна-то гибнет, всё парализовано, ничего не работает. Пойдемте по домам. А в сентябре он уйдет, и всё будет спокойно». Но он просчитался. Что же такого натворил Мубарак - он же не какой-то там кровавый палач, не Саддам - что они даже перед перспективой подождать всего шесть месяцев, и всё будет в порядке, не уходят? До какой

степени негодования и протеста нужно народ довести, чтобы ему бросили вот такую кость, а он ее не берет? Никто заранее этого сказать не может.

В Египте шла война нервов. Одни на площади стоят, другие у себя сидят. Обычно, когда революции бывают, то штурмуют парламент, свергают правительство, свергают учредительное собрание. А здесь ничего, тупо ходят подряд 18 дней и кричат с утра до вечера одни и те же лозунги. От этого стены не падают, но страна-то вся парализована. Как власти тут быть? Без конца это терпеть невозможно, гнать не получается, на уступки идти не хотят.

Сколько раз мы видели: массы людей выходят на улицу - полиция тут же бежит в касках, бьет их дубинками, травит газом - в большинстве случаев разбегаются, и постепенно всё успокаивается. Люди в какой-то момент начинают терять веру в то, что стоит это делать, апатия наступает: «Ничего не поделаешь, эти сволочи нас замордуют, забьют». В Иране в прошлом году тоже были грандиозные шествия, но власти удалось это всё рассеять. А в Египте этого не произошло. Почему? Конечно, разница между Ираном и Египтом большая. И власть разная, и авторитет духовных этих лиц, и конфронтация с Америкой, и ядерная программа в Иране - всё это сыграло свою роль. В Египте же ничего этого нет. Но ведь власть может подавить мятежи. Например, в 1983 году в Сирии, в городе Хама взбунтовалось население. Там большинство населения сунниты, а у власти секта алавитов, и вот взбунтовался целый город. Президент Хáfез аль-Áсад подогнал артиллерию и открыл огонь прямо по городу. Полгорода в руинах, 40 тысяч человек убито, но зато с тех пор, считайте уже 27 лет, всё тихо.

Хотя, знаете что, я не уверен в том, что если бы сейчас в том же городе Хама начались такие беспорядки, нынешний президент, сын предыдущего, бы мог вот так артиллерией город разрушить. Есть вещь, которую у нас совершенно не понимают и не учитывают - это дух времени, то, что немцы называют Zeitgeist, это слово даже в английский язык вошло. То, что возможно было сделать 30 лет назад, сейчас сделать гораздо труднее. Можно ли сейчас в арабской стране устроить Тяньаньмэнь китайский, просто танками задавить? Уже не то время, не та эпоха. И не тот режим. И народ не тот. И зависимость от международных вещей, от общественного мнения, от помощи Запада. И боязнь санкций и т.д. И к тому же Интернет появился - обо всем известно становится в мире. Всё вот вместе взятое и дает ситуацию, при которой Тяньаньмэнь уже не получился.

Военные это прекрасно понимали в Египте. Что делать, если миллион человек на площади? Конечно, в принципе, можно на них пустить всю армию, их можно сверху обстреливать с вертолетов, их можно танками давить. Но психологически в Египте на это не могли пойти. Вот они приходят к Мубараку и говорят «Знаешь, что? Либо страна погибает, либо, дорогой, уходи». И с Бен Али так было.

- Скажите, а были какие-то прогнозы, какие-то признаки, свидетельства того, что недовольство населения нарастает, что возможны подобные революционные события?

- Да, были определенные прогнозы. Когда в Египте были последние выборы, настолько цинично сфальсифицированные, они всех возмутили. До тех пор «Братья-мусульмане», хотя и были запрещены, но проходили в парламент под видом независимых кандидатов. А тут ни один не прошел, и все увидели масштабы подтасовок. Далее распространился слух, что Мубарак то ли сам опять собирается идти на новый срок, то ли своего сына Гамалея двигает

на эту роль. Это людей тоже страшно возмутило. Что это такое, монархия что ли? Понимаете, бывают такие персональные моменты, которые очень здорово играют.

Всегда есть какие-то отдельные люди, но никто не мог знать, что это примет массовый характер, понимаете. Всегда есть политические активисты, но их ничтожное меньшинство, ими площадь не наполнишь. Поэтому главный вопрос и загадка всегда заключается в том, пойдет ли за этой кучкой масса. А второй вопрос - хватит ли у этой массы нервов, терпения, решительности, бесстрашия держаться, даже если она знает, что может быть, завтра их будут давить танками. И вот на эти два вопроса заранее никто ответить не может.

Народ никогда не говорит: «Мы готовы выступать». Народ так не говорит, этого никто не скажет. Говорят, что надо бы вообще что-то менять, что безобразие творится. Но власть не реагирует на это - ну, мало ли что, все так говорили. Первый раз, что ли, это говорят? Знаете, власть, когда она укоренилась уже, укрепились, она чувствует себя, во-первых, непогрешимой, она всегда права. А, во-вторых, она чувствует себя неуязвимой, безнаказанной совершенно. Поэтому, подумаешь, какие-то молодчики, адвокатишки, студентишки. Надо держаться, и всё. Не реагировать, иметь крепкие нервы. Власть так рассуждает. Пока не слишком поздно уже будет.

- Георгий Ильич, кто, по Вашему мнению, был основным социальным ресурсом этих движений? Понятно, что есть инициаторы, активисты, но кто за ними выходит? Всё-таки разная социально-экономическая ситуация, есть различия в политической обстановке. Насколько сходны эти группы в странах, о которых мы сегодня говорим?

- Молодые, образованные люди начали заваруху в Египте. Конечно, такого количества образованных молодых людей не хватит, интеллигенцией не заполнить площадь, нужна масса. «Братья-мусульмане», которые в первый момент сами были растеряны, удивлены, в стороне от этого дела были, потом поняли, что что-то начинает бурлить, разворачиваться. И нужно успеть вскочить на поезд, успеть присоединиться. Они начали созывать людей, которые в пятницу выходят из мечетей, - и пошли бедные люди, люди из предместья, те, которые живут на 2 доллара. Но они сами по себе никогда не поднимаются, это закон - самые бедные и самые нищие не делают революцию. Они заняты борьбой за существование, им не до этого, у них не хватает ни образования, ничего. Но если есть организаторы, тогда и они раскочуются. Так вот эти люди, которые сидели бы и сидели, которые никогда бы и не вышли - их просто подхватывает, они уже начинают думать: «Справедливо ли то, что я всю жизнь горе мыкаю? Может быть, те люди, которые меня зовут на площадь, устроят мне лучше жизнь?». И поэтому площадь заполнила уже эта бедная молодежь.

А начинают революцию те, у которых уже что-то есть, но мало, у которых есть образование или которые понимают контрасты. Вот смотрите, что произошло в Иране, когда была исламская революция. Шах провел великолепные реформы, аграрную реформу, белую революцию, реформу образования и т.д. Шах сделал это, тем самым не подозревая, что он роет себе яму. Людям стало жить гораздо лучше, улучшилась система здравоохранения, упала детская смертность, людей всё больше и больше становится, в деревне нет места. Дальше стала происходить урбанизация, люди из деревни бросились в город. Эти люди, воспитанные чисто в исламском духе, пришли в город и обалдели, рот разинули: они видят какие-то особняки, виллы, какие-то корпорации, какие-то банки, казино. Они увидели на экранах телевизора шахиню, которая открывает выставки - красивая женщина в

декольтированном платье. И в этот момент к ним приходят миллионы аудиокассет от Аятоллы Хомейни, где говорилось, что шах продал страну американцам, что это нечестивое правительство. А надо учесть, что это шииты, их долг священный – бороться против нечестивого правителя. И они видят перед собой воплощенное зло и воплощенное добро. Зло – это шах со всеми этими иностранцами, со всеми этими небоскребами, с этими мерседесами и т.д. А с другой стороны, – вот этот седобородый благочестивый старец. Контраст, понимаете?

Еще Карл Маркс говорил, что если везде в деревне дома одноэтажные, маленькие, то никому и не обидно. А если появляется двухэтажный дом, уже совсем другое дело. Из контраста рождается протест. Если все бедные, все нищие, все забитые, значит, так устроена жизнь, бог, значит, так устроил жизнь. А, оказывается, бог не так устроил жизнь, оказывается, кто-то имеет, а кто-то нет.

Знаете, когда кончилась советская власть, думали, что начнется резня, потому что появились богатые и появились бедные. Но, когда бедный парень видит, что рядом с ним такой же, как он, отгрохал себе хороший дом, купил Мерседес, то может быть два типа реакций. Первый – резать надо таких буржуев. Второй – если этот хмырь смог себе сделать, чем я хуже его? К счастью для нас, большинство пошло по второму пути. Сейчас уже этого нет, потому что не резиновое это всё.

Так вот, бедные люди в Египте, в Каире, в предместьях не думали о том, чтобы резать буржуев, они были не довольны, но резать буржуе они бы не пошли. Но когда они видят, что кто-то уже выходит на улицы, тут у них просыпается вот это ощущение – а почему, собственно, я должен страдать? В глубине души живет всё-таки ощущение равенства. Народу же что нужно? Не свобода, а равенство, справедливость – отнять и поделить.

Но есть и какие-то другие факторы. В Алжире, например, положение абсолютно как в Тунисе, один к одному. Казалось бы, в Алжире – давай! Нет. Потому что люди помнят, что в 90-х годах там была война, внутренняя война между армией и исламистами, 150 тысяч человек погибло. И люди думают – опять будет то же самое, лучше уж потерпим. Правительство паршивое, жизнь тяжелая, но если перевернем лодку – опять будет как десять лет назад. Память-то свежа еще. Вот вам алжирский вариант.

В Иордании – почтенная династия, король происходит из семьи Хашемитов, которые когда-то входили в племя, в котором родился пророк Мухаммед. Еще один сдерживающий фактор – страх. Вот при Хусейне кто бы пикнул? Там человек если видел иностранца, то на другую сторону улицы переходил, не то что говорить с ним. А в Иордании в гвардии в этой королевской половина – это бедуины, люди, которые любому хребет переломают. Вторая половина – это черкесы, наши черкесы, тоже не лучше.

А в Египте такого страха не было. Потому что полицию они презирали и ненавидели, а армию, наоборот, любили. Поэтому чувствуют, что армия ничего плохого им не сделает, понимаете? Вот разница.

- А как Вы относитесь к разным конспирологическим версиям событий, к роли США, других международных сил?

- Это всё ерунда. Для Соединенных Штатов лучше Мубарака ничего не было и не будет. И они это прекрасно понимают. Так что в том же Египте все это было абсолютно своё.

Внешний фактор другой был, через тот же Интернет. Вот в Тунисе парень себя сжег. В прежние времена этого никто бы даже не знал, кроме жителей этого города. Человек в

соседнем городке уже бы этого не знал. А через Интернет об этом узнали в этот же день. И это тоже усиливает в людях ощущение несправедливости. Потому что они включают телевизор, там про это нет ни слова, а в Интернете есть. Значит, всё врут. Вот это ощущение - что начальство, во-первых, ворует, во-вторых, врёт - вот это главное. Ворует и врёт, вот это вот очень важно, понимаете? Просто ворует, это одно. Но плюс ещё врут, а на людей плевать хотят, что хотят, то и делают. Вот это всё вместе взятое доводит до какой-то критической точки. Или не доводит. Вот в данном случае доводит.

- Мы говорим о коррупции, безразличии власти, произволе, ощущении, что власть не слышит свой народ, контрасте, причем контрасте, когда человеку, увидевшему чужой успех, уже трудно куда-то встроиться. Но ведь многое из этого можно сказать и о нашей ситуации. Можно ли тогда говорить, что и для нас подобные события возможны?

- У нас есть один такой ресурс у власти, которого не было в этих странах, о которых вы говорите. Это способность постоянно поддерживать патриотическую мобилизацию народа. Ещё с советских времен, когда нам внушали, что все капиталистическое окружение против нас, все вредители, это осталось. Советский человек остался в этом смысле - в некоторых отношениях он стал другим, а в этом смысле он остался прежним.

Для нас по-прежнему актуален антиамериканизм - все нас не любят, все нас хотят ослабить, добить, разбить, расчленить. И поэтому правительство выступает как гарант того, что мы сохранимся как держава. Вот эта великодержавность попранная, фрустрация после распада Советского Союза (мы были одной из двух сверхдержав, а вдруг осталась только одна, Америка) - это же обидно. А где гарантия, что дальше, Россия не развалится? И все думают, что любое такое выступление может действительно раскачать лодку, перевернуть всё, и моментально будет воспринято «там», нашими врагами как удобный случай. И тут как раз знаменитые клише выступают - «на чью мельницу воду», агенты и т.д. В людях это всё сидит. И пока правительство имеет возможность внушать людям такое настроение, оно выглядит как гарант независимости, гарант того, что наша страна сохранится как держава. Что она встала с колен и останется вот такой. И даже люди, которые не любят власть, жалуются и т.д. - в них тоже это есть. Знаете, моя мать, хотя терпеть не могла советскую власть, всегда говорила: «сыночек, надо быть такими бдительными, все вокруг враги». Значительная часть советского менталитета сохранилась, а в нем, понимаете, есть такой встроенный механизм, обеспечивающий постоянное поддержание должного уровня ксенофобии, антиамериканизма. И он действует безотказно.

Что Путин сказал после Беслана? Он сказал, что, во-первых, есть люди, которым не по душе, что Россия осталась ядерной державой. И, во-вторых, кто-то хочет от нас отхватить жирные куски. Кого он имел в виду? Каких-то там террористов исламистских? Какая им разница, есть у нас бомба или нет? Путин, не называя американцев по имени, подспудно это дал понять людям. И люди поверили, они всегда готовы поверить, что есть какое-то двойное дно. Людям не хочется думать, что всё само собой как-то произошло. Кто-то должен обязательно за этим стоять. Люди всегда верят в самое плохое, что есть в другом человеке. Потому что так человек устроен - ему приятно думать, что кто-то другой руководствуется самыми низменными побуждениями. И поэтому, когда что-то происходит, то первая мысль, и у арабов, кстати, тоже, (говорит по-арабски): «Кто за ним?». Каддафи сказал, что это всё устроила Аль-Каида. И обращаясь к жителям города, где сейчас идут уличные бои, сказал: «Люди Эз-Завии, что такое для вас Бен Ладен? Почему за ним идете?». Так что Каддафи тоже

это использовал. Вот в Египте армия никак не могла это использовать. Что она могла сказать, что это американцы, что ли? Нет. Пускали слух в газетах, что это Иран за этим стоит. Но люди не особенно в это верили.

Вот почему я говорю, что у нас-то есть ресурс, у нашего руководства, какого нет там. Понимаете, это очень важно - патриотическая мобилизация народа. То, что есть у иранских руководителей. То, что есть у Ахмадинежада. Почему они вцепились в эту ядерную программу? Это у них национальная идея. Они говорят, что весь мир против них. Что империалисты, сионисты их за горло хватают, не дают развивать экономику. Но «мы древняя и гордая нация, мы встали!». И народ верит, и народ идет за ними. И это одна из причин, почему провалилась демонстрация прошлогодняя после липовых выборов.

Наши депутаты, публицисты, журналисты, политологи каждый месяц готовы летать в Америку. У многих дети учатся в американских, английских колледжах, деньги там в банках, недвижимость. Но, возвращаясь сюда, они поливают Америку последними словами. Так положено, это обязательно. Такой вот лицемерный антиамериканизм.

- И последний вопрос. Можно ли происходящие события рассматривать в русле некой новой волны демократических революций? Есть ли за ними, по Вашему мнению, большая идеология?

- Да, у многих людей есть. Вот «Братья-мусульмане» в Египте, посмотрим, сколько они получают на свободных выборах голосов - 10%, а может быть, 30%. У них есть идеология, их лозунг «ислам – вот решение». И это очень сильно. Вообще сейчас в мире, если говорить об идеологиях, есть только одна по-настоящему сильная идеология. Это исламизм. Китайцы без идеологии обходятся, они такой прагматичный народ. На Западе тоже живут себе и всё. Ну, у Америки есть своя..., наверное, это можно назвать идеологией. Они все считают, что Америка это образец для всего мира. Они могут не любить свою власть, но Америка хороша независимо от того, кто у власти - Обама или Буш, не важно.

Но исламизм... Ислам, кстати, это самая сильная религия сейчас в мире, если судить по степени приверженности людей этой религии. Вот не так давно были опросы о христианстве: «Играет ли Бог серьезную роль в вашей жизни?». В Европе 20% только «да» сказали, в Америке 70%. А в мусульманском мире скажут 100%. А исламизм – это самая сильная идеология, потому что тут всё сочетается вместе: и обида, и фрустрация, и чувство несправедливости. В 3-ей суре Корана говорится (говорит по-арабски) «Вы лучшая из общностей, появившихся в человечестве». Лучшая из общностей, т.е. избранная. И вот они видят, что они внизу мировой иерархии. А управляет-то кто? Американцы там какие-то паршивые. Причем, это не борьба против христиан. Это не ислам против христианства. Вот если бы вы спросили вот тех людей, которые направили свои самолеты на башни-близнецы - они против христианской Америки? Вас бы засмеяли. Какая христианская Америка? Это безбожное аморальное растленное общество. Саид Кутб был одним из лидеров «Братьев-мусульман», его повесили ещё при Насере в 1968 году. Он был в Америке в 50-х годах туристом. И мрачнел с каждым днем, когда ему говорили о внебрачных связях, о добрых связях, о феминистках, о гомосексуалистах и т.д. Но знаете, что его доконало? Добило совсем? Когда его привели в школу, он вошел в класс и увидел, что женщина преподаёт мальчикам. Вот тогда он выбежал из класса, проклял Америку навсегда и стал обосновывать свою теорию исламизма.

И это, конечно, возврат в средневековье. Единственное, на что я надеюсь - всё-таки Египет это такая страна, где есть прослойка образованных молодых людей, светских. Они знают, что такое талибы, они знают, что в Алжире эти головорезы натворили. Не думаю, что они хотят того же. Будем надеяться.

Беседовала Седова Наталья